

ТАИНЫ МОРВЕКСА

«ОДНО ПРИКОСНОВЕНИЕ — И ТЫ УЖЕ НЕ ТА, КЕМ БЫЛА РАНЬШЕ.
МОРАЙНА БОЛЬШЕ НЕ ПРОСИТ ПРОЩЕНИЯ, ОНА ЛИШЬ
БЕРЁТ СВОЁ — ПРАВО БИТЬ ТЁМНОЙ»

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

ТЕПЛОВА М.С.

18+

Маргарита Теплова
Тайны Морвекса

«Автор»

2026

Теплова М. С.

Тайны Морвекса / М. С. Теплова — «Автор», 2026

Тайны Морвекса — дарк-фэнтези, где страсть остра, как лезвие, а каждый шаг грозит падением в бездну. В готическом Морвексе, городе выточенном из тьмы и амбиций, правила диктуют не Боги, а те, кто умеет превращать чужую слабость в свою силу. Морайна — бывшая шлюха, которая знает: в этом мире выживает не добрая, а хитрая. Она привыкла играть чужими желаниями — пока сама не становится разменной монетой в чужой игре. Лорд Вейран — мастер намёков: он не кричит, он заставляет мир замереть. Когда враги подбрасывают Морайне смертельный компромат, Вейран предлагает сделку, в которой позволит ей быть той, кем она хочет. Но в Морвексе за каждое «позволю» платят по самому дорогому тарифу. Это история о власти, которую берут зубами, о желаниях, что жгут изнутри, и о цене, которую приходится платить за право диктовать условия. Здесь откровенность — не романтика, а оружие, а близость — рискованный манёвр на краю пропасти. Для тех, кто хочет не просто читать, а чувствовать, как по коже бежит холод.

© Теплова М. С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Кровавая роса Морвека	5
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Маргарита Теплова

Тайны Морвека

Глава 1. Кровавая роса Морвека

Часть I: Тени прошлого и пробуждение желаний

Город Морвекс не дышал – он испускал тяжкий, спертый запах разложения, смешанный с едкой горечью перебродившего вина и тонким, едва уловимым ароматом чужой крови, впитавшимся в вечные камни. Здесь не было рассветов, лишь медленное, мучительное пробуждение тьмы, когда тусклые фонари, чьи стекла покрывал слой вековой копоти, бросали неверные блики на мокрые, изъеденные временем фасады. Дождь, казалось, здесь был не стихией, а состоянием – мелкая, холодная морось, которая пропитывала одежду, кожу и души, превращая улицы в грязевые реки, в которых отражались лишь искаженные лики обреченных.

Это был город, выточенный из амбиций и отчаяния тех, кто привык выживать среди опасности и зла, тех, чьи души изначально были падшими. Закон здесь был прост: будь хищником, или стань добычей. Доброта – признак глупости. Сострадание – роскошь, непозволительная даже для самых знатных имён, чьи фамильные гербы, некогда гордо красовавшиеся на воротах, теперь поблекли и истрепались, как и их собственные жизни.

Морайна скользила по узкому переулку, словно призрак, сотканный из теней и отчаяния. Ей было всего двадцать семь, но жизнь несколько не щадила эту несчастную. Несмотря на это, Морайна была очень хороша собой: брюнетка с волосами цвета воронова крыла, которые она носила собранными в тугий узел на затылке, словно пытаясь удержать под контролем хоть что-то в своей рассыпающейся на атомы - жизни. Нежные и тонкие черты лица, а её глаза – цвета темного аметиста, обрамленные густыми ресницами, – обладали глубиной, которая могла любого сбить с толку. Красота этой хрупкой девушки была не той, что ласкает взгляд, а той, что заставляет замереть, ощущая неминуемую опасность. В ней читалась как сила, закаленная годами борьбы, так и заметная тень усталости, которую не могли скрыть даже идеально уложенные волосы.

Её движения были отточены до совершенства, словно у пантеры, вышедшей на охоту, а каждый шаг – просчитан заранее, как у хвалёного мастера игры в шахматы. Она не шла, она просачивалась в пространстве, избегая света, избегая липких взглядов, и избегая самой возможности быть замеченной. Одежда, некогда, возможно, даже дорогая, теперь была грубой, потертой, но при этом всегда чистой – на это она тратила последние крохи своей скудной монеты. В Морвеке грязь, к сожалению, была не только на улицах, она была в воздухе, в разговорах, и в поступках каждого жителя этого злчного места. И Морайна отлично знала, как в этой грязи выжить, и как по-настоящему не испачкаться в этой мерзости.

Её тело, на вид - женское и хрупкое, на самом деле было гибким и сильным. Оно стало её инструментом. Инструментом выживания. Инструментом, который приносил ей каждый день хлеб. Она прекрасно помнила, как все началось. Детство, проведенное в нищете, в холодном, сыром подвале, где единственным развлечением было наблюдать, как крысы пируют на объедках. Родителей, лица которых время почти стёрло из памяти – отца, пропавшего в одной из бесконечных стычек гильдий, и мать, умершую от болезни, оставившую её, беззащитного подростка, на произвол судьбы.

Морвекс принял её с той равнодушной жестокостью, с какой город поглощает всё, что не в силах ему противостоять, — без гнева, без страсти, просто как неизбежную часть своего мрачного порядка. Первым её учителем стал голод: он научил её различать оттенки тишины в

пустых домах, считать монеты, которых вечно не хватало, и понимать, что в этом мире милосердие — не добродетель, а слабость.

Следом пришёл Дом удовольствий «Алая Лилия» — не приговор, выписанный чернилами, а клеймо, выжженное стыдом. Дешёвый блеск фонарей, прогорклый запах вина и тяжёлых духов, липкий смех, царапавший слух, и череда мужских лиц — жадных, пустых, сливающихся в одну безликую маску слепой алчности. Здесь ей пришлось освоить самую жестокую науку: продавать не тело, а иллюзию. Она училась дарить нежность, которой не чувствовала, изображать желание, которого не испытывала, улыбаться, пока внутри всё кричало от боли, и ласкать, пока пальцы сводило от ненависти.

Каждая ночь с чужим мужчиной становилась маленькой смертью — и Морайна хоронила в себе по кусочку души, тихо, без слёз, потому что в Морвексе слёзы были непозволительной роскошью. Но выбора не было: нужно было есть, пить, цепляться за каждый день, чтобы просто оставаться живой в этой суровой, зловещей реальности.

Нынешняя ночь ничем не отличалась от череды прежних — та же дорога, тот же холод, пробирающийся под плащ, то же безмолвное согласие с неизбежностью. Морайна шла к господину Аларiku — влиятельному купцу, чьи монеты даровали ей право не думать о завтрашнем дне. Дважды в неделю она переступала порог его покоев, и ритуал этот давно утратил для неё всякий смысл.

В ней не осталось ни стыда, ни похоти, ни хоть какого-то отголоска чувства — будто она собственными руками выжгла в душе всё живое, оставив лишь зияющую чёрную пустоту, холодную и бездонную. Заказы Аларика всегда были продолжительными, но щедро оплаченными, потому Морайна оставалась до самого рассвета, неподвижная и отстранённая, словно тень, которую он нанял для своих грёз.

Аларик любил не её — он любил ту женщину, которую сам же лепил из её покорности: уступчивую, податливую, идеально воплощающую его фантазии. Их сделка была выверена до мельчайших деталей, удобна обоим. Для неё — еда, крыша над головой и ещё один день, чтобы дышать. Для него — забвение, острота ощущений, иллюзия власти над чем-то живым и удовлетворение, которое дарило её молодое, красивое тело.

И Морайна давала ему ровно столько, сколько требовалось, — ни капель больше, ни вздохом меньше. Она знала: в Морвексе даже малейшая нежность — уже товар, а любое чувство — лишь хрупкий инструмент, позволяющий удержать равновесие на самом краю пропасти.

Узкое ущелье между домами, где вечная тень казалась осязаемой, вывело её на небольшую площадь. Здесь, у фонтана, чьи камни были изъедены временем и покрыты зеленоватым налётом, стояла группа мужчин. Грубые, наглые, с запахом перегара, они смеялись, толкая друг друга и бросая пошлые замечания в сторону редких прохожих. Их глаза, тусклые и хищные, выискивали потенциальную жертву.

Морайна собиралась обойти их стороной, стараясь быть незаметной. Она знала, что в таком состоянии, под воздействием дешёвого вина, эти мужчины могли быть особенно опасны. Но один из них, широкоплечий, с кривым шрамом, рассекающим бровь, заметил её. Его взгляд — скользкий, оценивающий — пробежался по её красивой фигуре, останавливаясь на тонкой талии, на изгибе бедра, скрытом под грубой тканью. Липкая ухмылка скривила его губы.

— Смотрите, какую птичку принесло к нашему порогу, — прохрипел он, толкая товарища локтем. — Потерялась, красотка?

Морайна не замедлила шаг и не опустила глаз — в Морвексе и то, и другое читалось как приглашение к неизбежному противостоянию. Она лишь чуть плотнее запахнула плащ, будто хотела спрятать не тело, а саму свою уязвимость, и скользнула взглядом мимо них — туда, где переулок за фонтаном сужался до щели, в которую могла протиснуться одна лишь тень.

— Эй, я с тобой говорю! — рявкнул широкоплечий, и его голос, густой от перегара, расплылся по площади, как масляная лужа. Он шагнул вперёд, и каблук сапога звонко щёлкнул по мокрому камню. — Или ты немая? Тогда мы найдём, чем тебя разговорить.

Его товарищи загоготали, и смех их был не весёлым, а хищным — таким, каким смеются те, кому нечего терять и кто рад хоть на минуту почувствовать себя сильнее. Один из них, щуплый, с лицом, изрытым оспинами, потянулся к поясу, будто проверяя, на месте ли нож. Другой, высокий и сутулый, прищурился, будто прикидывал, сколько монет можно выручить за такую «птичку».

Морайна остановилась. Не потому, что испугалась — она знала, что бегство здесь пахнет кровью и только раззадорит их, — а потому, что в этой паузе можно было выиграть несколько решающих секунд. Она чуть повернула голову, ровно настолько, чтобы они увидели её профиль, но не смогли прочесть выражение глаз.

— Если ищешь собеседницу, — произнесла она тихо, но так, что голос прорезал их гомон, — то я не из тех, кому платят за разговор улыбкой.

Широкоплечий замер, сбитый с толку не столько словами, сколько тем, как они были сказаны: без дрожи, без мольбы, почти с насмешливым спокойствием. Его ухмылка дрогнула, и на мгновение в глазах мелькнуло что-то похожее на уважение — или просто расчёт. В Морвексе даже дерзость имела цену, и он пытался её оценить.

— А кто же ты такая, что позволяешь себе так говорить? — процедил он, наклоня голову, словно хотел разглядеть её сквозь тьму и морось.

Морайна чуть приподняла бровь, и в этом жесте было столько холодной уверенности, что даже его приятели на миг притихли.

— Та, кому сегодня не хочется пачкать руки, — ответила она, и в её голосе прозвучало что-то такое, от чего у самого дерзкого из них по спине мог пробежать холодок. — Но если ты очень настаиваешь, я могу показать, как быстро эта площадь станет слишком тесной для твоей компании.

Широкая ухмылка на лице широкоплечего мгновенно погасла, будто кто-то задул фитиль. В его глазах мелькнуло не столько удивление, сколько оскорблённая гордость — ему бросили вызов, и он не мог этого стерпеть.

— Да ты... — прошипел он, хватая воздух, и шагнул вперёд, уже не играя, а действуя по звериному инстинкту: сломать, подчинить, доказать своё превосходство. Его рука метнулась к поясу, где висел короткий, тяжёлый нож с зазубренным лезвием — оружие для грязных дел, привычное и надёжное.

Но Морайна не стала ждать, пока он выхватит клинок. Она не верила в шансы и не надеялась на милость — она верила в скорость и точность. Её движение было почти незаметным: резкий, отточенный жест из-под плаща, и в руке вспыхнул узкий кинжал с тёмной рукоятью, инкрустированной чёрным камнем — подарок очередного любовника, который так же остался в прошлом — бывшего наёмника из Европы. Лезвие клинка скользнуло по воздуху с тихим, зловещим шелестом, будто само предвкушало кровь.

В тот миг, когда широкоплечий уже занес руку для удара, Морайна сделала полшага вперёд, нарушая его расчёт дистанции, и полоснула клинком по его лицу — точно, без лишней силы, но достаточно глубоко, чтобы оставить след навсегда. Лезвие прошло по шраму, будто завершая незаконченную историю, и дальше — по свежей коже, разрывая её, как тонкую ткань. Кровь хлынула мгновенно, густая и тёмная в тусклом свете фонарей, и потекла по щеке, капая на грубую ткань рубахи.

Он взвыл — не от боли, а от потрясения: никто не смел так с ним обращаться. Его пальцы разжались, нож звякнул о мокрый камень, и он схватился за лицо, пытаясь удержать то, что уже было потеряно.

Щуплый с оспинами не стал раздумывать. Он рванулся к Морайне, выхватывая свой клинок, но двигался слишком поспешно, слишком неуклюже. Морайна встретила его движение коротким, жёстким ударом в предплечье — не насмерть, но так, чтобы рука повисла бесполезной плетью. Клинок выпал, а щуплый попятился, хватаясь за рану, из которой толчками выплёскивалась кровь, смешиваясь с дождевой водой и образуя на камнях тёмные лужицы.

Высокий и сутулый замер, будто внезапно осознал, что перед ним не испуганная женщина, а опасность, которую он не смог правильно оценить. Его глаза расширились, и в них мелькнул первобытный страх — тот самый, который заставляет бежать, даже если стыдно признаваться в этом.

Остальные в группе переглянулись, и в этом обмене взглядами не было ни храбрости, ни желания мстить — только холодный расчёт: цена победы вдруг стала слишком высокой. Один за другим они начали отступать, растворяясь в темноте переулков, словно тени, которые испугались собственной смелости.

Широкоплечий, всё ещё держась за лицо, смотрел на Морайну с ненавистью, смешанной с уважением, которого он никогда не признал бы вслух.

— Ты пожалеешь об этом, — прохрипел он, голос его дрожал от ярости и боли. — Никто не останется безнаказанным!

Морайна не ответила. Она просто смотрела на него, и в её взгляде не было ни торжества, ни злорадства — только ледяное спокойствие человека, который знает цену каждому своему действию и готов её заплатить.

Капли крови падали на мокрый камень, растекаясь и смешиваясь с дождевой водой, образуя тонкую, алую плёнку. Кровавая роса Морвекса — так называли эти мгновения, когда город впитывал чужую боль, делая её частью своей вечной тьмы.

Морайна медленно опустила кинжал, но не убрала его. Она знала, что нельзя расслабляться ни на секунду. Затем она спокойно отряхнула плащ, будто стряхивала не капли дождя, а саму необходимость оправдываться за то, что защитила себя. Её движения были такими же отточенными, как и прежде, — ни лишней суеты, ни показной бравады.

Она посмотрела на площадь, теперь пустую, если не считать двух раненых мужчин, и на мгновение задержала взгляд на тёмных лужах, словно запоминая этот момент как ещё одно доказательство: она всё ещё жива, она может себя защитить, и она всё ещё контролирует хоть что-то в этом безумном мире.

Затем Морайна резко повернулась, и пошла прочь — туда, куда шла изначально. Её шаги были твёрдыми, но не тяжёлыми; она не хотела привлекать к себе лишнего внимания. Дождь продолжал моросить, пропитывая всё вокруг, но она почти не замечала его. Её мысли были заняты не прошедшей стычкой, а тем, что её ждало впереди.

Путь к дому Аларика лежал через несколько узких переулков, где тени были особенно густыми, а звуки наоборот — приглушёнными. Морайна знала каждый поворот, каждую выбоину в мостовой и каждую ямку в брусчатке. Это был её маршрут, её постоянный ритуал, её способ сохранить хотя бы иллюзию порядка в этом городе хаоса.

Когда она подошла к тяжёлой деревянной двери, украшенной резным узором, который когда-то был изысканным, а теперь казался лишь грубым напоминанием о былой роскоши, она на мгновение замерла. Кинжал исчез под плащом так же незаметно, как и появился, и теперь ничто не выдавало в ней женщину, только что проливавшую кровь.

Морайна глубоко вздохнула, и этот вдох был не просто наполнением лёгких воздухом — это был переход из одного состояния в другое. Она закрыла глаза на несколько секунд, словно сбрасывая с себя тяжесть улицы, драки и ненависти, и позволила маске скользнуть на прежнее место.

Когда она постучала в дверь, её лицо уже выражало не холодную решимость, а лёгкую, едва уловимую покорность — ту самую, которую так ценил в ней Аларик. В её глазах больше

не было стали; там теперь читалась мягкость, почти уязвимость, которую он так хотел и любил в ней видеть.

Дверь приоткрылась, и на пороге появился слуга — высокий, худощавый мужчина с лицом, полностью лишённым эмоций. Он молча кивнул, признавая её право войти, и отступил в сторону.

Морайна переступила порог, и тяжёлая дверь закрылась за ней с глухим стуком, отрезая уличный холод, сырость и кровь. Внутри было тепло, пахло дорогими благовониями и воском от свечей. Здесь царил совсем другой порядок — порядок денег и власти, где её роль была чётко определена, и где она знала уже свои реплики наизусть.

Аларик сидел в полумраке своих покоев, откинувшись в резном кресле, но поза его была не надменной, а скорее расслабленной — так сидит человек, который ждёт кого-то, кто ему по-настоящему приятен. Ему было лет пятьдесят, но выглядел он куда моложе: подтянутый, высокий и статный, с лёгкой, благородной сединой на висках, придававшей ему не столько возраст, сколько весомость. Лицо у него было не жёстким, а выразительным — с живыми, внимательными глазами, в которых читался интерес, а не холод. В уголках губ пряталась едва заметная улыбка, будто он заранее радовался её приходу.

На нём был камзол из чёрного бархата, но не тяжёлый и мрачный, а сшитый так, что подчёркивал его стать и лёгкую непринуждённость: ткань мягко ложилась по фигуре, не сковывая движений. На пальце тускло поблёскивало массивное золотое кольцо с чёрным агатом — скорее фамильная вещь, чем символ власти. В руке он держал бокал с тёмнорубиновым вином, но сейчас не крутил его, а просто держал, будто забывшись в ожидании.

Когда Морайна переступила порог, дверь глухо щёлкнула за её спиной, и Аларик тут же чуть подался вперёд, словно сам воздух в комнате стал чуть теплее от её появления. Он не вскочил, но в его взгляде мелькнуло искреннее удовольствие — не хищное, а почти благодарное, как будто её приход был для него маленьким, но важным подарком.

— Ты опоздала, — произнёс он не строго, а с лёгкой укоризной, почти по-доброму, и чуть наклонил голову, разглядывая её так, как разглядывают что-то красивое, не желая спугнуть. — На улице опять лило как из ведра? Я уже начал переживать, что ты вовсе не придёшь.

В его голосе не было повелительных ноток — скорее мягкая настойчивость человека, который привык, что к нему прислушиваются, но делает это без грубости. Он отставил бокал и чуть улыбнулся, и в этой улыбке не было ни презрения, ни высокомерия — только тёплое, чуть лукавое понимание.

Он прекрасно знал, кем она была и чем зарабатывала на жизнь, но ему нравилось её присутствие, нравилось, как она двигалась, как звучал её голос, даже как она иногда чуть хмурилась, будто всё ещё пыталась спрятать свою уязвимость за колючей гордостью. Ему нравилось, как она стонет, под ним или на нём, да — но не потому, что он видел в этом лишь покорность, а потому, что в этих звуках была настоящая, живая страсть, которую нельзя подделать.

Иногда, глядя на неё, он ловил себя на мысли, что, если бы они встретились не здесь, не в этих покоях, а где-нибудь в театре или на приёме, где она была бы в шёлковом платье, с цветами в волосах, он, возможно, ухаживал бы за ней всерьёз. Может, даже женился бы — не из жалости, а потому, что рядом с ней мир становился чуть ярче, чуть острее, будто все чувства обретали настоящую глубину.

— Проходи, садись, если хочешь, — тихо сказал он, чуть кивнув на кресло напротив, но тут же добавил с лёгкой усмешкой: — Хотя я, признаться, больше люблю, когда ты не сидишь...

И в этой непринуждённой заботе, в его внимательном, не давящем взгляде, в том, как он старался не торопить её, чувствовалось что-то большее, чем просто желание обладать. Ему было важно, чтобы ей рядом с ним было хоть немного спокойнее, чтобы она могла хоть на час сбросить эту тяжёлую броню, которую носила на улицах Морвекса.

Она молча шагнула вперёд, и его комната обняла её, как тёплая вода. Пламя свечей дрогнуло от движения воздуха, тени на стенах качнулись, и Морайна почувствовала, как с каждым шагом спадает с плеч груз сырой улицы, чужих взглядов, привычной лжи. Здесь, в этом полумраке, можно было сейчас не играть.

Аларик её не торопил. Он ждал — и это ожидание было не требовательным, а терпеливым, как у человека, который знает ценность мгновения, когда двое остаются наедине. Когда она остановилась в шаге от его кресла, он медленно поднялся, и в этом движении не было резкости — только плавная, звериная грация, которая не утрачивается с годами, но становится осознанной.

Он взял её лицо в ладони — не грубо, не собственнически, а так, будто держал что-то хрупкое и бесконечно важное, что могло нечаянно разбиться, если нажать слишком сильно. Большими пальцами провёл по скулам, очертил линию челюсти, и в его взгляде, приблизившемся вплотную, не было привычной ей мужской алчности — только пристальное, почти изучающее восхищение.

— Ты дрожишь, — сказал он тихо, и в голосе его прозвучала не тревога, а нежность, от которой у неё перехватило дыхание. — Но не от холода, я знаю.

Его губы коснулись её лба — легко, почти невесомо, как будто он ставил печать, невидимую для посторонних, но осязаемую для них двоих. Затем он отстранился ровно настолько, чтобы встретиться с ней взглядом, и в этом взгляде читалось признание, что она — не просто тело, не просто услуга, а его личный выбор.

— Я мог бы взять любую в этом городе, — произнёс он, и в словах его не было похвалы, только констатация факта. — Но ты идёшь ко мне не из страха и не из нужды. Хотя и сама этого не осознаёшь. Ты пришла, потому что сама этого захотела. Потому что и я тоже захотел тебя.

Он медленно, не разрывая зрительного контакта, расстегнул её плащ — каждое движение было обдуманым, как ритуал. Ткань скользнула на пол, и она осталась в тонком платье, под которым угадывалось тепло тела.

Пламя свечей вздыхало, выбрасывая короткие злые языки, будто само пространство возмущалось тем, что должно стать свидетелем того, что сейчас произойдёт. Тени на стенах не просто шевелились — они вытягивались, становились хищнее, словно предвкушали. В этой комнате, пропахшей воском и дорогим вином, больше не осталось места для вежливости.

Морайна стояла перед ним, и в её груди билось что-то дикое, рваное — не страх, а предвкушение, острое, как лезвие её кинжала. Она знала, как притворяться, знала, как быть послушной, но сейчас в ней отчего-то поднималась другая волна. Не навязанная, не купленная. Её собственная. И она хотела этого. Хотела до дрожи, до того, как пальцы начинали неметь, до того, как в горле пересыхало от одного его взгляда.

Аларик не торопился. Он смотрел на неё так, будто видел не только тело, не только линии платья, но и ту тьму, что клубилась внутри, ту ярость, которую она годами прятала за маской покорности. Его пальцы скользнули по её плечам, медленно, почти лениво, но в этом движении была сила — тяжёлая, уверенная, как течение подземной реки. Он не спрашивал разрешения. Он давал ей шанс отступить. И она не отступила.

Вместо этого она шагнула ещё ближе. Не к нему — в него. Резко, почти дерзко, как бросаются в ледяную воду, чтобы почувствовать, что ещё живы. Её руки легли ему на грудь, но не для ласки — она проверяла, насколько твёрд этот мир, в который она сейчас врвалась. Под бархатом камзола перекачивались мышцы, и это ощущение власти, скрытой под дорогой тканью, только распалало.

Он хмыкнул — тихо, с удовлетворением, будто ждал именно этого: её вспышки, её отказа быть удобной. В его взгляде мелькнуло что-то хищное, но не жестокое — скорее признание силы, которую он любил в ней. Его ладони легли ей на талию — жёстко, уверенно, без лишней суеты, как держат то, что не намерены выпускать.

Он не стал возиться с застёжками и пуговицами — вместо этого рывком разорвал тонкую ткань платья, и она соскользнула вниз тяжёлой волной, обнажая её плечи, грудь, спину, изгиб талии, всё то, что до этого пряталось под слоями приличий и холода улиц. Морайна не вздрогнула, не попыталась прикрыться — напротив, в её полураскрытых губах мелькнула дерзкая усмешка, будто она бросала ему вызов: «Ну, смотри. И что теперь?»

Не давая ей времени на новые вспышки, он подхватил её под бёдра, легко, словно она весила не больше шёлкового платка, и одним резким движением, с наслаждением насадил её на себя, тут же прижимая спиной к стене рядом с камином. Камень был холодным, шершавым, он царапал кожу, будто сам город пытался напомнить о себе даже в эту минуту. Но этот контраст — ледяной камень и обжигающий жар его тела — только обострял ощущения, делал каждую секунду невыносимо яркой, почти болезненной.

Она не вскрикнула от неожиданности — она выдохнула его имя, как признание, как капитуляцию, и в этом выдохе было больше страсти, чем в любом крике. Её пальцы впились в его плечи, ногти чуть царапали ткань, ища опору, которой не было. Он наклонился, и его губы нашли её шею — не нежно, а жадно, как будто хотел не просто поцеловать, а оставить след, который не смоем ни дождь Морвекса, ни время. Его зубы чуть прикусили кожу, и она дёрнулась, но не от боли, а от того, как по телу прокатилась волна, сметая остатки контроля.

— Ты хочешь этого, — прошептал он ей прямо в ухо, и голос его был низким, почти звериным. — Скажи. Я хочу слышать.

И она сказала. Не потому, что он требовал, а потому, что не могла больше держать это внутри.

— Да, — выдохнула она, и это слово прозвучало как удар. — Да, я хочу.

Этого было достаточно. Он подхватил её, крепко, без лишних церемоний, и она обвила его бёдра ногами, чувствуя, как он берёт её, как его сила становится её опорой, её якорем в этом вихре. Их движения были резкими, неритмичными, как первые удары грома перед бурей — без изящества, зато настоящие, грубые, честные. Она извивалась на нём, не потому что так учили в «Алой Лилии», а потому что тело больше не слушалось разума, оно требовало своего, первобытного, того, что годами топили в ней стыдом и нуждой.

Её пальцы скользили по его спине, цепляясь за ткань, потом за кожу, когда камзол наконец упал на пол. Она царапнула его лопатку — случайно или нарочно, она и сама не знала, но он только глухо застонал, и этот звук отозвался в ней чем-то тёмным, торжествующим: она могла заставить его потерять контроль. И это пьянило сильнее любого вина.

Она прыгала прямо на нём, удерживаясь за его плечи, чувствуя, как под кожей перекачиваются напряжённые мышцы, как его пальцы впиваются в её бёдра, направляя, удерживая, не давая ей ни секунды на раздумья. В этом не было нежности, не было притворства — только чистая, обжигающая потребность друг в друге, такая же неизбежная, как дождь в Морвексе.

Когда волна накрыла её, она выгнулась, вжимаясь затылком в холодную стену, и закричала его имя — громко, без оглядки, не думая о слугах, не думая ни о чём, кроме того, как невыносимо, сладко и правильно это чувство. И он последовал за ней, на мгновение замер, а потом прижался лбом к её плечу, тяжело дыша, будто только что пробежал через весь город, спасаясь от погони.

Тишина, которая пришла следом, была не спокойной — она звенела, как натянутая струна, готовая лопнуть. Морайна медленно опустила ноги, и её тело, ещё недавно такое сильное и уверенное, теперь казалось непривычно слабым, податливым. Она прислонилась лбом к его плечу, не стыдясь этой слабости, потому что знала: здесь, в этих покоех, её не сочтут уязвимой.

Аларик провёл ладонью по её спине, медленно, осторожно, будто боялся, что она рассыплется от слишком резкого движения. Его пальцы скользили по царапинам, оставленным камнем, и в этом прикосновении не было ни торжества победителя, ни пресыщенности. Было

что-то похожее на изумление, будто он сам не ожидал, что между ними может быть так горячо и так честно.

Продолжение ночи в покоях Аларика растянулось, превратившись в череду мгновений, где время теряло смысл. Пламя свечей то почти гасло, то вспыхивало заново, будто само пространство не хотело отпускать эту ночь, не хотело отдавать её наступающему утру. Тени на стенах плясали, сплетались и распадалась, становясь то хищными силуэтами, то призраками прежних страхов, которые теперь казались далёкими, почти забытыми.

Они не говорили много. Слова здесь были лишними — они мешали слышать дыхание друг друга, стук сердец, сбивчивый шёпот, который рождался где-то между усталостью и жаждой быть ближе. Каждый жест был не игрой, не привычной ролью, а чем-то настоящим, выстраданным, словно они оба наконец-то позволили себе сбросить маски, которые годами носили как броню.

Морайна больше не прятала взгляд. Она смотрела на Аларика открыто, почти дерзко, и в этом взгляде не было покорности — только признание: сейчас, в этой комнате, она могла наконец быть собой. А он отвечал ей не властью, а вниманием, будто каждое её движение было для него откровением, которое он боялся пропустить.

Их близость была не изящной и не спокойной — она была грубой, настоящей, сотканной из противоречий: из нежности, которая прорывалась сквозь жёсткость, из силы, которая не хотела причинять боль, но всё равно оставляла следы. В ней не было притворства, не было той фальшивой мягкости, которую Морайна столько раз изображала. Сегодня она не продавала иллюзию — она отдавала себя, и это пугало и пьянило одновременно.

Когда первые серые отсветы начали просачиваться сквозь тяжёлые шторы, Морайна на мгновение замерла. Она лежала, прижавшись к Аларику, чувствуя, как под её ладонью ровно и сильно бьётся его сердце. Ей хотелось остановить это мгновение, удержать его, как удерживают в ладонях последний тёплый луч уходящего дня. Но рассвет был неумолим. Он подкрадывался тихо, но настойчиво, обещая вернуть их в мир, где нежность была роскошью, а слабость — смертным приговором.

Аларик провёл пальцами по её волосам, осторожно, будто боялся, что она растворится, как утренний туман.

— Ещё немного, — прошептал он. — Пусть этот час будет только нашим.

Морайна кивнула, не поднимая головы, и прижалась к нему крепче, словно пыталась впитать в себя это тепло, чтобы оно потом грело её в самых тёмных углах Морвекса.

Он чуть повернул голову, глядя на неё с лёгкой улыбкой, в которой не было ни торжества, ни высокомерия — только тихое удовлетворение человека, который нашёл что-то редкое и теперь боится это потерять.

— Ты даже утром прекрасна, — тихо сказал он, проводя пальцем по её скуле. — Даже когда хмуришься, будто весь мир тебя разочаровал.

Морайна фыркнула, но в этом звуке не было злости — скорее привычная броня, которую она не могла сбросить до конца.

— Мир и правда меня разочаровал, — пробормотала она, уткнувшись носом в его плечо. — Просто сейчас он кажется чуть менее отвратительным.

Он тихо рассмеялся, и этот звук отозвался в ней чем-то тёплым, почти забытым.

Но в этот самый миг тишину разорвал грохот. Тяжёлая дверь в поместье содрогнулась от удара, будто в неё врезались тараном. Затем ещё раз, ещё — и с треском поддалась. Внутрь ворвались люди — не слуги, не стражники, а чужие, в тёмных плащах, с лицами, скрытыми под капюшонами. В их движениях не было суеты — только холодная, расчётливая жестокость тех, кто привык брать силой.

Один из них, высокий, с тяжёлым мечом в руке, шагнул вперёд, и сталь зловеще блеснула в свете угасающих свечей.

— Аларик, ты думал, что сможешь спрятаться? — прорычал он, голос его звучал глухо, искажённо из-под капюшона. — Ты нарушил правила, и теперь заплатишь.

Аларик мгновенно вскочил, прикрывая собой Морайну. Он не был воином, но в нём была та спокойная уверенность человека, привыкшего держать удар. Его взгляд метнулся по комнате, оценивая ситуацию, и тут же остановился на потайной панели в стене — той самой, о которой знали только он и старый дворецкий.

— Быстро! — резко бросил он Морайне, схватив её за руку и подталкивая к стене. — В нишу! И не выходи, пока я не скажу!

Она хотела возразить, хотела остаться, хотела сражаться рядом с ним, но в его взгляде читалась такая непреклонность, что она поняла: спорить сейчас — значит погубить их обоих. Она метнулась к панели, пальцы дрожали, но она сумела нащупать скрытый рычаг. Панель скользнула в сторону, открывая узкий проход, пахнувший пылью и старым деревом.

— Не выходи, — повторил он, уже доставая из-под кровати короткий клинок — вещь, которую он держал не для красоты, а на случай, если правила Морвекса вдруг перестанут работать. — Что бы ты ни услышала, не выходи!

И прежде, чем она успела что-то сказать, он захлопнул панель, оставив её в темноте, в тесном пространстве, где воздух был густым и неподвижным. Снаружи было слышно, как те люди ворвались в покои и раздался первый лязг стали.

Морайна прижалась к стене, пытаясь унять бешеное сердцебиение. Она слышала голоса, резкие, злые, слышала, как Аларик отвечал им спокойно, почти насмешливо, будто не верил, что это всерьёз.

— Вы думаете, что можете прийти в мой дом и диктовать условия? — его голос звучал твёрдо, без тени страха. — Вы забыли, с кем имеете дело.

Ответом ему был яростный рывок, и снова — звон металла. Она знала этот звук, знала, как он рождается, когда сталь встречается со сталью, когда жизнь висит на волоске. Её пальцы впились в собственные ладони, ногти врезались в кожу, но она не чувствовала боли. Всё её существо сжалось в одну точку, сосредоточенную на том, что происходило по ту сторону стены.

Слышны были удары, тяжёлые, глухие, как удары судьбы. Кто-то кричал, кто-то хрипел, и среди этого хаоса голос Аларика звучал как единственный островок порядка. Он не умолял, не оправдывался — он сражался, защищая не только себя, но и её, ту, которую спрятал в темноте.

А потом всё стихло. На мгновение наступила такая звенящая тишина, что Морайна подумала, что оглохла. И тут раздался один-единственный звук — тяжёлый, глухой, как падение чего-то тяжёлого на пол.

Панель распахнулась сама собой, и она выскользнула наружу, не думая, не взвешивая риски. То, что она увидела, ударило её сильнее любого клинка.

Незваные гости уже покинули поместье. Их дело было сделано. Аларик лежал на полу, его камзол был разорван, а на груди расплывалось тёмное пятно.

— Нет! — крик вырвался из её груди, дикий, нечеловеческий, полный боли и ярости. Она рванулась к нему, не замечая ничего вокруг, кроме его бледного лица, на котором ещё теплилась жизнь.

Она упала на колени рядом с ним, прижимая ладони к ране, будто могла удержать жизнь, которая вытекала сквозь пальцы.

— Не смей, — шептала она, голос её дрожал, но в нём звучала та же непреклонность, с которой она встречала любую опасность. — Не смей оставлять меня здесь одну. Ты обещал, что здесь я могу не быть сильной. Так не заставляй меня быть сильной сейчас!

Его глаза медленно открылись, и в них мелькнуло что-то похожее на улыбку — слабую, едва заметную.

— Прости, — прошептал он, и каждое слово давалось ему с трудом. — Я... не смог...

— Молчи! — приказала она, но голос её сорвался. — Тебе нельзя говорить. Мы найдём лекаря. Мы всё исправим.

Он покачал головой, едва заметно, и его рука, слабая, но всё ещё твёрдая, нашла её пальцы и сжала их.

— Не надо... — выдохнул он. — Это конец... Но я рад... что ты была здесь. Что я увидел... тебя настоящую. Морайна, возьми деньги... Уезжай...

Слезы, которые она годами не позволяла себе проливать, наконец прорвались наружу. Они катились по щекам, горячие и солёные, смывая с неё ту броню, которую она носила столько лет. Впервые в жизни она позволила себе слабость — не как поражение, а как признание того, что ей есть что терять.

— Я не хочу, чтобы ты уходил, — прошептала она, прижимаясь лбом к его руке, которая уже становилась холодной. — Пожалуйста, не уходи.

Его пальцы чуть дрогнули, будто хотели ответить, но не смогли. Глаза медленно закрылись, и дыхание, такое привычное, такое важное, оборвалось.

Тишина, которая наступила следом, была не мирной — она была опустошающей, как пустота после бури. Морайна сидела на полу, держа его руку, не в силах отпустить, будто если она отпустит, то окончательно потеряет его.

Она прижала его руку к своей груди, словно пытаясь передать ему хоть немного своего тепла, и заплакала — громко, отчаянно, не сдерживаясь, позволяя боли выйти наружу.

— Я выживу, — прошептала она сквозь слёзы, глядя на его спокойное лицо. — Я выживу, и я заставлю их заплатить. Ради тебя. Ради себя. Ради того, чтобы этот город больше никогда не смог забрать у меня то, что мне дорого.

И когда первые лучи солнца наконец прорвались сквозь шторы, полностью осветив комнату, она поднялась, вытирая слёзы тыльной стороной ладони. Её глаза были красными от слёз, но в них снова горел тот самый огонь, который не мог погасить даже жестокий и мрачный Морвекс. Огонь мести. Огонь отчаяния.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.